

С. Ф. СВИЛАС

Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
2200030, Минск, Беларусь; svilas@tut.by

МАКРО- И МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

История международных отношений рассматривается как одно из направлений международных исследований и исторической науки, при этом подчеркнута важность реализации принципа междисциплинарности для повышения достоверности результатов. Определены причины возникновения и развития микроистории, выделены ее видные представители, интерпретаторы и критики. Отмечается синтез макро- и микроисторических подходов в творчестве Ф. Броделя и М. Вебера. На примере изучения внешнеполитической деятельности Белорусской ССР в ЮНЕСКО в годы хрущевской оттепели автор обосновывает необходимость сочетания макро- и микроисторического подходов в целях усиления достоверности исследования. Практическая значимость работы – в возможности использования для повышения уровня методологической и методической подготовки студентов, магистрантов и аспирантов.

Ключевые слова: междисциплинарность в международных исследованиях; парадигмы в теории международных отношений; формационная и цивилизационная модели объяснения истории; макро- и микроисторический подходы; школа «Анналов»; внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР; хрущевская оттепель.

S. SVILAS

Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; svilas@tut.by

MACRO- AND MICROHISTORICAL APPROACHES IN THE RESEARCH OF INTERNATIONAL RELATIONS

The history of international relations is considered to be one of the areas of international research and historical science, wherein the importance of implementing the principle of interdisciplinarity to increase the reliability of the results is emphasized. The causes of the emergence and development of microhistory are determined, its prominent representatives, interpreters and critics are described. The synthesis of macro- and microhistorical approaches in the works of F. Braudel and M. Weber is shown. On the example of studying the foreign policy of the Belarusian SSR in UNESCO during the Khrushchev Thaw, the author explains the need to combine macro- and microhistorical

approaches in order to enhance the reliability of the study. The practical significance of the work lies in the possibility of being used to increase the level of methodological and methodical training of students, undergraduates and graduate students.

Keywords: *interdisciplinarity in international studies; paradigms in the theory of international relations; formation and civilizational models for explaining history; macro- and microhistorical approaches; Annales school; foreign policy activities of the Byelorussian SSR; Khrushchev Thaw.*

Исследования международных отношений включают примерно три десятка направлений, в том числе философию МО; историю МО; анализ субъектов МО; исследование международных взаимодействий (войн и конфликтов, партнерства и сотрудничества, международной безопасности и стабильности); анализ институций МО (международных организаций, наднациональных структур, международно-политических режимов); исследование систем МО; социологию МО; кодификацию МО (международное право и его развитие); глобалистику, прикладные теории и направления. В 1990-е гг. оживился интерес к экономическому аспекту международных отношений. Увеличилось количество исследований тех практических сторон МО, значение которых в условиях глобализации заметно возросло (мировой океан, проблематика устойчивого развития, критерии легитимности новых государственных образований, энергетика как международно-политический фактор и др.). Каждое из этих направлений обладает высокой мерой специализации, и эксперты могут не понимать друг друга [1]. Вместе с тем международным исследованиям, хотя и в разной степени, но присущи меж- и полидисциплинарность.

История международных отношений признается и развивается как полноправное направление в международных исследованиях, ориентируясь на такие основные парадигмы в теории международных отношений, как реализм, либерализм и марксизм, а также на наиболее известные модели объяснения истории (формационную и цивилизационную) [2]. По оценке видного методолога истории Б. Г. Могильницкого, эти две модели сложились в рамках макро- и микроисторического подходов. Как известно, в 1960-е гг. термин «микроистория» впервые использовал Ф. Бродель, причем в негативном смысле. Он выделял *событийную историю* (историю эфемерных событий), противопоставляя ее микросоциологии; *конъюнктурную историю*, ограниченную экономическими циклами; *структурную историю*, охватывающую столетия [3]. Вместе с тем автор глобальной истории был мастером исторической де-

тали. По оценке Б. Г. Могильницкого, творчество Ф. Броделя – вершина сочетания макро- и микроподходов. Следует подчеркнуть, что Б. Г. Могильницкий рассматривал также наследие М. Вебера как оптимальный для своего времени опыт взаимопереплетения макро- и микроанализа [4; 5].

С конца 1970-х гг. микроистория («не разглядывание малого, а рассмотрение в подробностях» – Дж. Леви) развивается как новое направление в исторических исследованиях. Отцы-основатели – итальянские историки Дж. Леви, К. Гинзбург, С. Черутти, Э. Гренди, выпустившие двадцатитомную серию под общим названием «Микроистория». Одним из авторитетов для них стал Л. Н. Толстой, который при реконструкции Бородинского сражения считал важным отразить чувства его участников. Микроисторики призывают не упустить индивидуальное, обыкновенное исключительное. Исторические реконструкции и интерпретации осуществляются микроисториками благодаря концентрации на ограниченном поле, что способствует качественному расширению возможностей исторического познания. Однако не все можно рассмотреть под микроскопом: чем выше уровень обобщения, тем более отвлеченной становится историческая реальность [6–8].

Микроистория как исследовательское направление и исследовательский подход является предметом анализа целого ряда зарубежных ученых, среди которых отметим российского историка И. Б. Орлова с представленной в интернете статьей «Микроистория: “атомизация” исторической реальности или ее иной образ?» (2010 г.). Споры о статусе микроистории, а также связи с «большой историей» не прекращаются, а стимулом для ее развития стал интерес к локальной и региональной истории, истории повседневности, разочарование в школе «Анналов», из исследований которой пропал отдельный человек, неудовлетворенность результатами применения количественных методов [9; 10].

Микроанализ не существует в чистом виде, а реализуется посредством использования потенциала биографий людей, занимавшихся, например, политической и дипломатической деятельностью, их мемуаров, публицистики и художественного творчества, коллективной биографии (МИДа, посольств, представительств), анализа политического и дипломатического дискурса, истории повседневной жизни. Российский философ Э. Я. Баталов впервые в историографии предпринял попытку рассмотреть международные отношения в антропологическом аспекте [11].

В 2015 г. в переводе на русский язык вышла книга профессора Пенсильванского университета Р. Коллинза «Макроистория: очерки социологии большой длительности», предсказавшего распад Советского Союза за десятилетие до этого события [12]. Родившись в семье дипломата, в конце 1940-х гг. он вместе с родителями жил в Москве, а впоследствии получил блестящее образование, в том числе в Гарвардском университете. По Р. Коллинзу, гибель СССР была обусловлена во многом случайным совпадением недостатков советской системы (большие военные расходы, фискальное напряжение, раскол элит). Советский Союз не выдержал ресурсного напряжения, связанного с чрезмерным расширением сферы влияния [12].

Профессор Забайкальского университета философ Д. В. Трубицын, выступая критиком социологии большой длительности (2018), отмечал трудности социологических исследований долговременных исторических процессов (модернизация, индустриализация, демократизация, глобализация), хотя и считал полезным использовать их результаты, но в синтезе и критически. Он подчеркивал необходимость проведения эмпирических исследований при выдвижении новых концепций. По мнению этого автора, причина распада СССР – экономический кризис, слабость предпринимательства, давление государственных структур на экономику, падение уровня жизни, разочарование людей в социализме. Треть ВВП Советский Союз тратил на оборону, а США – только 6 % при том, что Соединенные Штаты в десятки раз были экономически сильнее. Советская модель социализма исчерпала себя: в течение пяти последних лет советской истории отсутствовал прирост материального производства, производительность труда была в пять раз ниже, чем в США; распад стал неизбежным [13].

Важно не забывать о многообразии подходов в международных исследованиях, в частности, использовании возможности съемок ближним и крупным планом (если они, конечно, оправданы тематически). Микроисторические работы и исторические макронаративы не противоречат другу. Выдающийся французский историк Марк Блок считал плодотворным постоянный переход историка с одного уровня исследования на другой [14]. Российский медиевист Ю. Л. Бессмертный сравнивал микроисторию и макронаратив с двумя глазами, дающими вместе объемное зрение [15].

Как уже отмечалось, представители школы «Анналов» пренебрежительно относились к событиям и короткому времени (рассказ о событиях прошлого Марк Блок называл эмбриональной формой истории), изучали историю большой длительности, однако с середины 1970-х гг. третье поколение «Анналов» возвращает событие в историческую проблематику, растет число конкретных исследований, причем эта тенденция *продолжается*. Докладчик разделяет мнение, что наиболее приемлемым для целостного освоения отдельным историком является небольшой исследовательский объект, в рамках которого историк в состоянии освоить источниковую базу. Концентрация внимания на сравнительно небольших объектах помогает их всестороннему, подробному и глубокому изучению, тем более когда речь идет о национальной истории [16]. Не снижать внимания к истории белорусского народа в советский период призывает академик М. П. Костюк [17].

По нашему убеждению, период оттепели в советской истории, который продолжает выделяться современной российской и западной историографией, стал чрезвычайно важным для белорусской дипломатии: сформировалась система внешнеполитической деятельности Белорусской ССР, был заложен фундамент, на котором строится внешняя политика и дипломатия суверенной Беларуси. Вступление СССР, УССР, БССР в целый ряд авторитетных межправительственных международных организаций открыло новый этап в развитии советской дипломатии, характеризовавшийся большей открытостью, реализмом и конструктивностью. В указанный период сформировалась система взаимодействия республики с ООН и ее специализированными учреждениями: открыто Представительство БССР при ООН в Нью-Йорке, белорусский сотрудник введен в штат Постоянного представительства СССР при Европейском отделении ООН в Женеве, создан институт Постоянного представителя БССР при ЮНЕСКО; первые белорусские сотрудники стали работать по квоте республики в Секретариатах ООН и ЮНЕСКО, сложились конференционные и внеконференционные формы сотрудничества БССР с организациями системы ООН, началось более активное участие республики в формировании их нормативно-правовой базы. В условиях советской федерации, не будучи суверенным государством, республика являлась заметным субъектом международных отношений, накапливала опыт

самостоятельного поведения, что нашло подтверждение в изданной к 20-летию МИД БССР монографии его сотрудников «Белорусская ССР на международной арене» [18].

В начале XX в. историк науки Пьер Дюэм разделил научные *теории* на два типа: описание и объяснение. Описание оперирует прежде всего частным (единичным), объяснение – типичным. Историческое знание может быть и преимущественно описанием, и преимущественно объяснением, а также представлять эти *два типа теории* в любой пропорции. До начала XX в. знание в форме описания именовали «фактография», а знание в форме объяснения – «теория», хотя в описательном дискурсе есть элементы объяснения, анализируются проблемы, и наоборот [8].

В докторской диссертации докладчика внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР рассматривается как цельная система, складывающаяся из совокупности форм и направлений, а также как элемент систем – внешней политики Советского Союза и биполярной системы международных отношений. В исследовании применен и микроисторический подход, позволяющий увидеть большое в малом: выявление механизма принятия решений на союзном и республиканском уровнях по вопросам внешнеполитической деятельности Белорусской ССР; изучение повседневной жизни дипломатов и отношений между ними, программ приема зарубежных дипломатов и туристов, представительских расходов белорусских делегаций, тиражей и цен на издания по международной проблематике, количественного и качественного состава участников форумов и т. д. [19].

Авторитетный российский методолог истории Л. Н. Мазур высказывал мнение о том, что представление об историке как «универсальном» исследователе – это утопия: «В одном случае значимый результат исследования может быть связан с получением новых фактов, созданием более полной и детальной картины прошлого на основе ювелирной работы с историческими источниками. В другом – сильная сторона ученого проявляется в разработке теоретических явлений, анализе его внутренних закономерностей. В третьем – раскрываются возможности новых методов исследования применительно к исторической проблематике. Быть универсалом в современной научной среде очень сложно и доступно единицам, хотя стремиться к этому следует» [10].

Библиографические ссылки

1. Основы общей теории международных отношений : учеб. пособие / под ред. А. С. Маныкина. М. : МГУ, 2009.
2. Бордачев Т. В., Зиновьева Е. С., Лихачева А. Б. Теория международных отношений в XXI веке : учебник. М. : Междунар. отношения, 2015.
3. Бродель Ф. Очерки истории. М. : Акад. проект, 2018.
4. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. I: Кризис историзма.
5. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. II: Становление новой исторической науки.
6. Адо А., Патрушев А., Дементьев И. Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени. М. : Анабасис, 2007.
7. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания : учеб. пособие для бакалавров / под общ. ред. Л. П. Репиной. 4-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2013.
8. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб. : Алетейя ; М. : ГУ ВШЭ, 2008.
9. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / ред. А. О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014.
10. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург : Урал. ун-т, 2010.
11. Баталов Э. Я. Антропология международных отношений. М. : Аспект Пресс, 2018.
12. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2015.
13. Трубицын Д. В. Макроистория: критика социологии большой длительности // СОЦИС. 2018. № 2. С. 35–44.
14. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М. : Наука, 1973.
15. Бессмертный Ю. Л. «Анналы»: переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. М. : Наука, 1991. С. 7–24.
16. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005.
17. Касцюк М. П. Шлях да ісціны: гістарычная навука Беларусі ў канцы XX – пачатку XXI ст. Мінск : Экаперспектыва, 2015.
18. Свилас С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.). – Минск : БГУ, 2013.
19. Свилас С. Ф. О методологии исследования деятельности Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.) // Метадалогія даследавання гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы : зб. навук. артыкулаў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. В. В. Яноўская ; рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2018. С. 132–140.